

следования выберем «любовь». Мы опираемся на когнитивную теорию концептуальной метафоры Лакоффа-Джонсона. В этом случае «метафора трактуется как перенос когнитивной структуры, прототипически связанной с некоторым языковым выражением, из той содержательной области, к которой она исконно принадлежит, в другую область. ...происходит проекция одной концептуальной области на другую, своего рода экспансия концептов области-источника, в результате которой происходит захват и освоение ими новой области — области цели» [1].

Наша гипотеза заключается в том, что одним из способов осмысления любви является проекция концептуальной сферы possessивности на концептуальную сферу любви. Пересечение этих двух концептосфер проявилось, на наш взгляд, в появлении трех понятийных метафор «любовь — это предмет обладания человека», «любвные отношения — это отношения обладания», «любовь — это субъект обладания».

1. «Любовь — это предмет обладания человека»

Э. Фромм утверждает, что любовь не является предметом, поэтому ею нельзя владеть. Однако человеческое сознание уже давно привыкло считать ее таковым. Проследим, как данная когнитивная установка реализуется на языковом уровне:

- (1) Ты будешь **искать любовь** и, надеюсь, когда-нибудь **найдешь**.
- (2) Можно ли **купить любовь** за деньги?
- (3) Я не позволю **отнять** свою любовь.
- (4) Можно ли сразу **приобрести любовь**, когда обычной дружбы не было ни с кем?
- (5) Ребенок **принимает любовь** матери как должное.
- (6) Он всегда получал достаточно любви.
- (7) У меня не было настоящей любви.
- (8) **Не имея любви** нельзя судить другого человека.
- (9) Я на всю жизнь **сохранил любовь** к этому дому.
- (10) Однажды он **потерял любовь** и после никогда ее уже не обрел.
- (11) **Утратить любовь** проще, чем заново **обрести** ее.
- (12) Он **дарил** ей свою любовь и ничего не просил взамен.
- (13) Маша **отдавала** сыну всю свою любовь.

Сравнивая выделенные глаголы с теми, которые М. В. Милованова [2] включила в свою модель фрейма possessивности, мы обнаруживаем на примере любви последовательную реализацию всех possessивных субфреймов:

- начало possessии, включая предpossессию и зарождение possessии (1), вступление в possessию (2), (3), (4), (5), (6);
- собственно possessия, в т. ч. имение (7), (8) и хранение (9);
- окончание possessии (10), (11), в т. ч. передача другому лицу (12), (13).

2. «Любовные отношения — это отношения обладания»

Отличие данной метафоры от предыдущей заключается в том, что отношение обладания распространяется не на чув-

ство как таковое, а на объект любви. Люди, вовлеченные в любовные отношения, представляются посессорами друг друга.

- (14) Они **нашли друг друга** в ранней юности и с тех пор **никогда не расставались**.
- (15) **10 способов заполучить девушку мечты**.
- (16) Друг **украд** у меня **невесту**.
- (17) У **Ивана есть любимая девушка**.
- (18) У нее **имелся супруг**.
- (19) Она **потеряла любимого** на войне.
- (20) **Любимого никто отнять** не может.

Здесь также реализуются разнообразные фазы possessивности: (14), (15), (16) — начало possessии; (17), (18) — собственно possessия; (19), (20) — окончание possessии.

3. «Любовь — это субъект обладания»

Своенравная и могущественная сила любви с древних времен побуждала людей наделять ее свойствами некой высшей субстанции, руководствующейся собственной волей. У немецкого философа-гегельянца Бруно Бауэра встречается такая трактовка любви, где она предстает жестокой богиней, стремящейся, как и всякое божество, завладеть всем человеком и не удовлетворяется до тех пор, пока тот не отдаст ей не только свою душу, но и свое физическое «Я» [3]. Подобные взгляды формируют в сознании человека образ любви, распространяющей поле своей possessии на людей (21), (22), (23), их физические и нефизические «части» (24), (25) или даже жизнь (26).

- (21) **Любовь найдет** тебя повсюду.
- (22) Тебя у меня **любовь забрала**.
- (23) Им **овладела любовь**.
- (24) **Любовь владеет** нашими **сердцами**.
- (25) **Любовь завладела** всеми его мыслями и чувствами.
- (26) **Любовь подарила** мне **вторую жизнь**.

Таким образом, метафорическое восприятие любви как области possessивных отношений представляется достаточно продуктивным и имеет множественные реализации в языковом материале. Однако понятие любви далеко не исчерпывается идеей обладания в ней. Речь также может идти о понятийных метафорах типа «любовь — это путешествие» [1], «любовь — это болезнь», «любовь — это война» и, возможно, ряде других.

Литература

1. Кобозева И. М. К формальной репрезентации метафор к рамках когнитивного подхода. // Труды международного семинара «Диалог 2002 «Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии». М., 2002. С. 188–194.
2. Милованова М. В. Лингвокультурологические характеристики категории possessивности в русском и немецком языках. Дисс. ... докт. филол. наук. Волгоград, 2007.
3. Фромм Э. Иметь или быть? М., 2000.

Лексикализация мифа как лингвокогнитивный феномен

С. А. Кошарная

Белгородский государственный университет

kosharnaja@bsu.edu.ru

Миф, концепт, слово, картина мира

Summary. Both mythological point of view of objects and analogical equalization inside conception's fields where vary important for the process of putting basic collective notions of ethnos about himself and other. Such notions are remained at level etymology of words and lasted in modern metaphoric meanings. At this reasons both etymologic and metaphoric meanings are able serve by foundation for reconstruction ancient shows of ethnos, were formed in context mythological image world.

Вопросы культурной семантики слова традиционно привлекают особое внимание, поскольку именно лексика наиболее перспективна для решения важнейших этнокультурных проблем [3: 38]. Слово способно не только замещать или представлять объекты действительности, но и дает возможность анализировать их, выявлять их свойства, вводить объект в систему сложных связей и отношений [1: 43 и след.], а потому этимологический дискурс в сочетании с лингвокультурной интерпретацией позволяет не только проследить эволюцию значений слов, аккумулирующих в себе комплекс образов, понятий, ассоциаций, отражающих особенности культуры и национального менталитета, но и

выявить когнитивные, стоящие за ними. Исходя из этого, моделирование фрагментов логико-понятийных систем, связанных с традициями и особенностями народной культуры, представляет определенный шаг к реконструкции архаичного мышления, и в этом смысле лексика, прошедшая длительный путь развития в составе общеславянского, затем восточнославянского и, наконец, русского языка, представляет собой транслятор архаических ментальных установок, представлений, концептуализаций.

В частности, сохранение архаических элементов языка в пределах концептуального комплекса «Человек — Природа» позволяет реконструировать его как основу мифологи-

ческой картины мира. Иными словами, данный комплекс может быть описан с точки зрения отражения в нем результатов мифологической концептуализации действительности. Это тем более актуально, что, в силу отсутствия исконной восточнославянской письменности, восточнославянская мифология не восстанавливается как свод текстов, но может быть реконструирована как архаичная когнитивная парадигма, в которой усматриваются особые отношения между элементами, или участками, бытия.

В этом аспекте может быть рассмотрена не только мифологическая лексика, но и номинанты, воспринимаемые сегодня в качестве реалионимов, однако в диахронии репрезентирующие мифологические воззрения. К примеру, на основании мифологизации тела как оболочки души возник концептуальный параллелизм «Тело» — «Дом» (ср. родств. око и окно и др.), «Тело» — «Сосуд» (ср.: лтш. *tēls, tēle* — «образ, тень, изваяние, олов», *tēlioti* «придавать форму», а также русские метафорические соответствия: *откровенность* — «открытость, искренность» и *скрытность, скромность* = «закрытость» и «укромность», которые выступают как дескрипции души и представляют собой так называемые «потухшие» метафоры.). Соответственно душа была осмыслена как «содержимое» тела. Это явилось прологом мифологизации души как самостоятельной сущности, причем способной к акциональному проявлению (ср.: лит. *siela* — «душа» и рус. *сила* того же корня, соврем. *душевные силы; слабодушие; слабость* — перен. «малодушие»). В этом контексте смерть воспринималась как разлучение души с телом (*душа отлетела*). Душа, существующая отдельно от тела, в русской МКМ выступает как дух, что получает вербальное выражение: одним из значений полисеманта дух является «бесплотное сверхъестественное существо» (соотношение дух — душа репрезентирует противопоставление *свободный* (ср.: *вольный дух*) — *несвободный (душа в теле)*). Восприятие души как сущности, способной к отдельному, внетелесному — «безобразному» — существованию, засвидетельствовано многочисленными народными поверьями, быличками, где говорится о существовании злого духа, известного под именами *гнедке, гнеток, гнетеница* (ср.: *гнет, угнетать*), *жма, жмара* (родств. *жать, сжимать*), который по ночам мучает людей, наваливается на спящих, *душит*. Общим элементом здесь является представление о невидимости, отсутствии образа. Аналогичные проявления характерны для призрака неопределенного образа, проявляющегося как слуховая галлюцинация и известного в народных поверьях под именами *ман, мана* (ср. лтш. *mānīt* — «вводить в заблуждение, обманывать»), *морока* (родств. *мрак*, ср. *морочить* — «темнеть», укр. *морочити* — «одурять, лишать сознания», воронез. *морокун* — «колдун»), *блазна, блазня* (рус. *блазнить* — «искушать, сердить»; словен. и чеш. *blazniti* — «приводить в смущение, беспорядок» и «дурачить», ср.: д.-в.-н. *blāsan* — «дуть»). Эти же признаки приписываются славянскому *бесу* (в архетипическом

значении — «страх», ср.: лит. *baisa* — «страх», *baisus* — «ужасный»; польское диалектное значение «гнев», откуда более позднее — «злой дух», что сохраняется в словенском, чешском, польском языках), который *безобразен < безобразен*. По-видимому, следствием «визуальной» неразработанности образа является то, что в один синонимический ряд с лексемой *черт* входят «признаковые» слова *окаянный, лукавый, постылый, лихой, худой* (= «плохой»), которые репрезентируют отношение к объекту, однако не выявляют его внешних признаков. Как следствие подобных концептуализаций, возникли особые мифологические персонажи, осознаваемые как духи — стихии и духи, закрепленные за определенными локациями, — и соответствующие им мифологические именованья: *водяной дух, домовый дух, полемой дух* и т. п., *злой (или нечистый) дух* — «бес, дьявол».

Концептуальное взаимодействие, находящее отражение в области современной тропеизации и метафорики (*огонь души* и подоб.), как правило, является трансформированным продолжением архетипических понятийных связей. Тем не менее, мы не можем говорить о метафоричности самого мифа что происходит из его гомеоморфизма (уподобление в мифе — это отождествление, а не сравнение). Мифологическое мышление метафорично лишь с точки зрения современного исследователя (архаичные отношения подобия воспринимаются ныне как сознательное уподобление, сравнение).

В целом можно предположить, что весь основной спектр мифологических знаний (слов-понятий), лежащих в основе русской наивной картины мира, наличествовал уже две — две с половиной тысячи лет назад и нашел отражение в праславянском языке (поэтому анализ той или иной русской мифологемы предполагает выход в область общеславянского), а затем имел свое продолжение в древнерусском (дописьменном, дохристианском). Кроме того, русская мифологическая картина мира включает ряд архаичных воззрений, восходящих к индоевропейской эпохе ишедших в народную духовную культуру посредством трансмиссии: культура индоевропейская > культура общеславянская > восточнославянская > русская культура, на что указывал, в частности, Н. И. Толстой [2]. В этом контексте реконструкцию протозначения слова можно трактовать как *концептуальную* и *культурную развертку мифа по вертикали*, то есть в диахронии, исходя из чего мы говорим о таком феномене, как *лексикализация мифа*, то есть вербализация соответствующего элемента мифологической когнитивной парадигмы, его воплощение в слове.

Литература

1. Лурия А. Р. Язык и сознание. М., 1998.
2. Толстой Н. И. Язык и народная культура: Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М., 1995.
3. Филли Ф. П. Историческая лексикология русского языка. М., 1984.

Роль референции и коммуникации в концептообразовании и исследовании концептов

Н. В. Крючкова

Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского
krutchkovanv@yandex.ru, krutchkovanv@rambler.ru

Концепт, коммуникация, образование концептов, исследование концептов

Summary. The report deals with principles of studying referential, communicative and discursive characteristics of concepts.

Исследование концептов — одно из наиболее активно разрабатываемых направлений современной лингвистики. При этом большинство посвященных концептам работ представляют собой в основном анализ различных типов концептуального содержания. Иначе говоря, главный вопрос, на который отвечают исследователи, состоит в том, что в сознании носителей языка стоит за единицей языка. Меньшее внимание при этом уделяется коммуникативным свойствам изучаемого явления.

Вместе с тем концепты могут рассматриваться как структуры хранения знаний, имеющие не только когнитивную, но и коммуникативную природу. Коммуникация, дискурс являются средой концептообразования в противоположность распространенным в концептологии представлениям

о коммуникативной среде как о сфере использования концептов, в которой якобы лишь вербализуются («овнешняются») уже готовые знания, сложившиеся вне коммуникативной среды. Концепт — ментальная единица, формирующаяся в процессе ее функционирования в дискурсе, именно в нем получающая свою содержательную определенность. Именно дискурс обуславливает ту или иную компоновку существующих в сознании концептуальных признаков, актуализацию их отношений, переход «потенциальных концептов» в собственно концепты (ментальные единицы с определенным набором и отношениями составляющих элементов).

На характер взаимодействия сознания и коммуникации, концепта и коммуникации существенное влияние оказывает